

«Браты! Мінецца ліха-гора...»

Воссоединение Беларуси вернуло Коласу семью,
а народу – надежду на лучшую долю

«Мама, что такое «вуліца 17 Верасня?» Мы бредем по длинной пыльной дороге к полыхающему в закатных лучах псевдоготическому костелу. Мне четыре, я недавно научилась читать и не пропускаю ни одной вывески. Много позже папа мне объяснит, что после неудавшегося «чуда над Вислой» в тридцати километрах от Минска кровавой раной пролегла советско-польская граница. 17 сентября 1939 года наши войска ее перешли, чтобы не допустить захвата Западной Беларуси немецкими фашистами и воссоединить искусственно разделенный народ.

«Раскіданае гняздо»

Этот пророческий образ родился под пером Купалы, когда великие и страшные события XX века еще только назревали. К счастью для песняра, его гнездо уцелело. «За мяжой» осталась лишь Вязынка, которую он не помнил и куда не приезжал.

Иное дело Якуб Колас. Граница, по условиям Рижского договора 18 марта 1921 года разделившая Беларусь, пролегла через его сердце. Могли ли подумать веселые молодые поэты, что Смольня,

где они с такой радостью встретились в 1912 году, девять лет спустя окажется в другом, враждебном государстве?

Ту встречу Колас часто вспоминал в разлуке с Родиной. В Беларуси он не был с 1915 года, а в Смольне, в родительском доме, где оставались мать, братья, сестры, дядька Антось, – и того дольше. Мобилизация, ускоренный курс Александровского военного училища, унылая служба прапорщиком в 162-м пехотном запасном полку, Румынский фронт, болезнь, демобилизация в чине подпоручика. И... невозможность вернуться домой.

Смольня – родовое гнездо Якуба Коласа – оказалась по западную сторону границы, а он сам с женой и детьми – по восточную

«Братец мой милый! – пишет он Купале по-русски в эти тяжелые дни. – Случалось тебе когда-нибудь застрять где-нибудь на железнодорожной станции, ждать поезда? Вот в таком положении чувствую я себя теперь... Болит моя душа по Белоруссии. Чувствуешь ли, братец, как тяжело жить на чужбине? Мне часто приходит на ум наш тихий, сумрачный, но мягкий сердцем и добрый душою белорус. Начиная с Нового года, я потерял все связи с родным краем, живу воспоминаниями о прошлом, мечтами об утерянном».

«Мяжа, раздзяліўшая маналітную краіну, прайшла па самым сэрцы яе».

Мечта сбылась: в феврале 1921 года Наркомпрос Белорусской ССР направляет Народному комиссару просвещения РСФСР А.В. Луначарскому телеграмму с просьбой «немедленно откомандировать в распоряжение Наркомпроса Белоруссии школьного инструктора Константина Мицкевича, псевдоним Якуб Колас, одного из лучших белорусских писателей».

Необходимые формальности растянулись почти на два месяца. К 15 мая, когда поэт наконец-то вернулся на Родину, она была изувечена границей. «Беларуская зямля па Рыжскім дагаворы, якім заканчвалася вайна з белапанскай Польшчай, была падзелена на дзве амаль роўныя часткі. Балюча было ўсведамляць, што мяжа, раздзяліўшая маналітную краіну, прайшла па самым сэрцы яе», – писал поэт.

Как мечтал он обнять мать, побродить по любимым с детства грибным местам, искупаться в Немане! Были бы крылья – полетел бы, ведь всего десять километров от границы до родительского дома.

Самым страшным ударом стала для Коласа невозможность побывать на похоронах матери.

– Ганна Юр’еўна памерла ў 1929 годзе ў Смольні, дзе жыла з малодшым сынам Юзікам, – рассказывает Ольга Шавель, научный сотрудник филиала «Николаевщина» Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа. – Сложилась так, что паэт не развітаўся ні з бацькам, які пайшоў з жыцця ў 1904 годзе, ні з дзядзькам Антосем, які памёр ад іспанкі падчас германскай акупацыі ў 1918 годзе.

Дружба длиною в три десятилетия:
Янка Купала и Якуб Колас. 1930-е годы

Невозможность похоронить самых близких людей – словно рок, преследовавший Коласа.

Только раз за все межвоенные годы довелось ему мельком повидать родные места.

С 21 по 25 июня 1935 года в Париже проходил Международный конгресс писателей в защиту культуры. От Беларуси в нем участвовал Якуб Колас. Единственный путь в Европу – легендарный поезд Манчжурия – Париж, остановливавшийся в Столбцах для перекачки колес с 1524-миллиметровой российской колеи на 1435-миллиметровую европейскую. Пассажиров высаживали, но рассказывать о кратком пребывании на родной-чужой земле Колас не рискнул. Потрясенный увиденным и пережитым, он произнес с трибуны конгресса: «З вялікім хваляваннем і жалем пазіраў я на тыя мясціны, дзе колісь хадзіў я і ездзіў. Тыя ж убогія, вузенькія палоскі зямлі, тыя ж панскія маёнты... Усюды на станцыях пышныя постаці паноў, паупанкаў і розных дробных шляхцюкоў. І толькі дзе-нідзе на задворках мільгала заношаная світка беларуса».

О чем размышлял поэт, гуляя по станции? Вспоминал ли дядьку Антосю, с которым в детстве ездил на ярмарку в Вильно?

Солдат-освободителей встречали с цветами, угощали парным молоком, яблоками, хлебом. Сентябрь 1939 года

– Наваколле кішэла ваўкамі, і сцэпшчык Уласік падараваў Антосю чыгуначны ліхтар, каб больш бяспечна было да станцыі хадзіць, – расказывае Ольга Шавель.

Досадавал ли на то, что у него не было ни времени, ни возможности предупредить родных? Увидеть хотя бы издали, помахать рукой... Но это была бы слишком опасная затея. Впрочем, он бы и не успел. «Оформление паспортов, которое длилось обычно месяцами, было совершено за два часа», – уверяла впоследствии Антонина Пирожкова, гражданская жена Исаака Бабеля, ездившая с ним на конгресс.

**«Тыя ж убогія, вузенькія палоскі зямлі,
тыя ж панскія маёнткі».**

Воскрешал ли Колас в мыслях величественный образ Несвижа, где он четыре года набирался знаний в учительской семинарии? А в свободные минуты вышагивал по его узким улицам, слушая мелодию дождя. Красавец Пинск, где Колас с таким удовольствием учительствовал, где родился его старший сын Даниил, которому, как и младшим детям, не посчастливилось увидеть бабушку. Любимая Альбуць... Все это осталось там, за чертой границы, за гранью памяти.

По дороге из Парижа поезд уже не останавливался в Столбцах. На всех парах пролетел он по мосту над Неманом, миновал въездную арку с надписью «Привет трудящимся Запада» и остановился для пережатки колес на знаменитом вокзале в Негорелом. Встречали их с цветами и оркестром, но в сердце Коласа звучала совсем иная мелодия, запечатленная им в стихотворении «3 дарогі»:

І горкім палыном
Павеяла ад песні
ужо забытай...
Мой родны край і дом
Пад белым пад арлом!
Нядоляю ты цяжкаю спавіты
І я, твой родны сын,
Чужынцам у табе сябе
ужо адчуваю.

Каким же радостным был для него день 17 сентября 1939 года, когда Красная армия пересекла ненавистную «мяжу» и двинулась вглубь Западной Беларуси!

Утром вышла газета «Звезда» с речью Молотова. Ее передали по телетайпу в БЕЛТА, работники агентства в считанные минуты перевели ее

28–30 октября 1939 года в Белостоке состоялось Народное собрание Западной Белоруссии. Оно приняло решение о вхождении в БССР

на белорусский язык: «Урад выражае цвёрдую ўпэўненасць, што наша Рабоча-Сялянская Чырвоная Армія пакажа і на гэты раз сваю баявую магутнасць, свядомасць і дысцыпліну, што выкананне сваёй вялікай вызваленчай задачы яна пакрые новымі подзвігамі, гераізмам і славай».

Родные места Якуба Коласа освободили, считай, без единого выстрела.

– В день, когда переходили границу, прогремели артиллерийские залпы, и стало тихо. Не было никакой стрельбы, ни битвы, ни сопротивления, – рассказывал мне в 2022 году ныне покойный ветеран Антон Азаркевич, живший в то время неподалеку от Негорелого, у самой границы. Бывший директор Негорельской средней школы № 2 Владимир Мишуро говорил, что столбчане, жившие по-дедовски с сохой и при лучине, с завистью засматривались на советскую сторону границы, где с 1930 года пахали землю тракторами, а по вечерам в окнах вспыхивал электрический свет.

«Дзе панавала галеча, заквітнее вялікае чалавечае шчасце», – пишет в

том же номере «Звязды» Змитрок Бядуля, чье родное местечко Посадец Логойского района упоминается в Рижском договоре по советскую сторону границы.

Константин Михайлович создал в те дни не менее шести стихотворений на тему освободительного похода.

3 октября вместе с Купалой он прибывает в Белосток. «Прадажны буржуазны друк 4 гады таму назад пісаў, што Янка Купала быў расстраляны органамі ЧК. У некаторых газетах нават былі змешчаны яго партрэты ў чорных рамках. Купала, Колас і іншыя пісьменнікі рыхтаваліся выступіць на маючым адбыцца літаратурным вечары», – пишет местная газета «Вольная праца».

Помимо писателей, в Белостоке десантировался ансамбль песни и пляски Белорусского фронта. «Гарадскі тэатр быў перапоўнен, – сообщает та же газета. – Людзі, ведаючыя баявыя якасці Чырвонай Арміі, змаглі пераканацца у яе вялікай культуры». Приехали художники, в кинотеатрах демонстрировался «Чапаев» и «Ленин в 1918 году». Ядовитые мифы польской пропаганды на глазах рассеивались как морок.

Но заехать в родные места, повидаться с близкими Колас тогда не смог. Граница, исчезнув, осталась на месте, сохранялся пограничный контроль,

Писатели Якуб Колас, Янка Купала, Михась Климович во время Народного собрания встречались с интеллигенцией Белосточкины, выступали с речами, участвовали в дискуссиях

Счастье жить в своей стране, суверенной и независимой:
правнучка и праправнучка Якуба Коласа Василина и Юля. 2016 год

для любых перемещений требовалось специальное разрешение. И это понятно: новый рубеж, фактически отделяющий СССР от фашистской Германии, еще не был надлежащим образом укреплен. В канун войны по Бресту разгуливали неразговорчивые «советские» офицеры, наведывались в клуб, приглашали девушек на танцы, а через несколько дней после начала оккупации их видели уже в немецкой форме. Что уж говорить о контрабандистах и прочей польской нечисти?!

– Малую радзіму Колас наведаў у 1940 годзе, калі ў Мікалаеўшчыне здарыўся пажар, – расказвае галоўны храніцель фондаў Дзяржаўнага літаратурна-мемарыяльнага музея Якуба Коласа правнучка Песняра Василина Міцкевіч. – Пачалося з невялікага агню, але планіроўка паселішча была настолькі няўдалая, што ён ахапіў амаль усю вёску. Колас як дэпутат Вярхоўнага Савета БССР ад Свержаньскай акругі быў гэтым вельмі занепакоены. Па сваіх каналах звязваюся з найлепшымі архітэктарамі, настойваю на змяненні планіроўкі, на будаўніцтве шпітэля, ладнай школы, Дома культуры. Сённяшнім сваім выглядам вёска абавязана менавіта Коласу і яго руплівай апецы.

В тот свой приезд поэт вновь не увиделся с семьей.

– У Смольню Колас прыехаў толькі ў 1947 годзе, – расказвае Ольга Шавель. – Ініцыяваў, каб была пабудавана школа ў Мікалаеўшчыне. Нават уклаў асабістыя сродкі.

Что испытал поэт, встретившись с родными после долгих лет разлуки? С какими чувствами бродил он по знакомым до боли местам?

Не все разделенные семьи воссоединились. Кто-то из «западников» воспользовался полученным от советского правительства правом выбора и в 1950-х годах эмигрировал в Польшу. Но абсолютное большинство народа оказалось единым в своем желании жить и работать в БССР.

С цветами, флажками и скрипкой Страдивари

Ветеран органов госбезопасности 97-летний подполковник Роман Романович Прибыщук хорошо помнит, что такое жить под Польшей и как в сентябре 1939-го встречали в их деревне освободительную Красную армию.

Он родился в 1927 году в Ляховичах Дрогичинского повета Полесского воеводства, ныне Ивановский район Брестской области.

– Жили мы буквально в километре от стратегического шоссе Пинск – Брест и поэтому оказались в эпицентре событий, – рассказывает он. – Я ходил в польскую школу, других тогда не было. С учениками особо не церемонились. Чуть провинишься – линейкой по рукам или ставили на колени на соль. Директорка пани Шмалёва, если ловила учителей на физических наказаниях, выговаривала: с детьми так нельзя.

Позднее Прибыщук понял, что она руководила подпольной ячейкой, а его отец Роман Демьянович, участник Октябрьской революции, кавалер трех Георгиевских крестов, ей в этом помогал.

Шмалёва отобрала с десятков самых сметливых мальчишек и девчонок и постоянно приглашала их к себе на квартиру.

– Во всей деревне это был единственный дом, где установили радиомачту и можно было слушать

радио, – вспоминает ветеран. – Кроме того, мы разыгрывали короткие театральные сценки. Отец это одобрял: «Ромашка, слушайся пани Шмалёву! Она хороший человек, порядочный, грамотный».

Если и случались стычки со взрослыми, то лишь потому, что подросток бывал не в меру любопытен и не прочь побахвалиться своими находками перед школьными товарищами.

– Откопал я в отцовских бумагах брошюру с фотографиями «Красные казаки» на польском языке, – усмехается Роман Романович. – Принес в школу и давай показывать ребятам. Шмалёва увидела, выхватила, раскричалась: «Как ты посмел?» Спрятала брошюрку, потом отдала отцу, и тот задал мне приличную трепку.

***«В его речах проскальзывало,
что нынешнее положение дел –
временное, что это не навсегда».***

Но это не стало уроком для пацана. В другой раз он нашел у отца газету «Русское слово». Когда-то это была самая дешевая газетенка в Российской империи, после Февральской революции поддерживала Керенского и выступала против большевиков. В 1918 году ее закрыли. Но даже такие «подтирашки» во Второй Речи Посполитой числились враждебной литературой, за хранение которой можно было запросто угодить в Берёзу-Картузскую. Страшный концлагерь, где до смерти пытали людей.

«По деревне полицейские рыщут. Хочешь, чтобы нас засадили в тюрьму?» – страшал парня отец и строго-настрого запретил ему упоминать Красную армию.

Понять отца мальчишке было непросто. С одной стороны, тот сотрудничал с властями, был в деревне официальным представителем по финансовым вопросам. Занимался государственным страхованием жилищ и свободно приходил в крестьянские дома.

– В его речах проскальзывало, что нынешнее положение дел – временное, что это не навсегда, – продолжает Роман Романович. – Я и сам догады-

**Подполковник
контрразведки
97-летний Роман
Прибыщук
живет в Полоцке.
2000-е годы**

вался, что в стране что-то не так, и вообще это не моя страна.

Тем временем на стенах домов, на заборах у школы стали появляться просоветские листовки – рукописные и отпечатанные на машинке. Сын подозревал, что это дело рук отцовских «лазутчиков», которые занимаются расклейкой, но спросить напрямую не решался.

Семья жила обычной сельской жизнью.

– Польские власти разбросали деревню по хуторам, чтобы крестьяне поменьше общались, – вспоминает мой собеседник. – Отец выбрал участок неподалеку от магистрали Пинск – Брест. Земля не лучшего качества, зато много, даже с кусочком леса. Но поляки ничего просто так не дарили, через налоги все забрали в пятикратном размере.

Однажды отец замешкался, не уплатил налог зерном. Тут же нагрянула полиция вместе с налоговым инспектором, – продолжает ветеран. – Наше имущество описали. Если бы не Шмалёва с ее связями, нас точно пустили бы по миру. Но пришлось нам возмещать налоги мясом, зерном и яйцами. Забирали все подчистую.

Роман Демьянович Прибышук руководил деревенским ансамблем. Начало 1940-х годов

Полицейские ездили по деревням на велосипедах, к которым был приторочен карабин. Как правило, не в одиночку, а командой из двух-трех человек. Шныряли тут и там, вынюхивали, фиксировали все, что происходит вокруг.

Еще одной «деталью» пейзажа была панская усадьба. Ее хозяин по фамилии вроде бы Гордюк разъезжал по окрестностям на автомобиле, а ребята бежали следом в надежде хотя бы прикоснуться рукой к этому диву.

– У пана была скрипка Страдивари, – рассказывает Роман Романович. – Этот очень дорогой инструмент ему подарили на день рождения в Варшаве.

Таких скрипок в Западной Беларуси было полно, в 1980-х годах мы находили их в каждой фольклорной экспедиции. Производила их какая-то варшавская фирма и шулки ради вкладывала внутрь записку «скрипка Страдивари».

– Пан играть на скрипке не умел, – усмехается собеседник. – А отец был замечательный народный скрипач, и его не раз приглашали в панские покои потешить господ своим искусством. Потом наступил 1939 год, и помещик в предчувствии событий сбежал в Варшаву, где у него был особняк и частный самолет. Надзирать за усадьбой оставил объездчика Яновича, который издевался над людьми, гонял на работы и не платил. За несколько дней до прихода Красной армии тот тоже наострил лыжи, лишь наказал отцу разыскать пропавшую скрипку и сохранить до возвращения пана.

Они еще верили, что вернуться! Но не тут-то было. Со скрипкой в руках встречал Роман Демьянович Прибышук своих освободителей. Жаль, отобрали ее после войны бандиты-аковцы. Не получалось у них вернуть «Польску ад можа да можа», так хоть швейной машинкой и скрипкой разжиться.

События дня, когда Красная армия вступила в деревню, Прибышук помнит, как будто это было вчера.

– Весть о ее приближении разлетелась заранее, – рассказывает он. – И мы, детвора, готовились как могли. Нарезали кумачовых лоскутков и смастерили из них флажки. Нарвали цветов, сложили букеты.

«Польские власти разбросали деревню по хуторам, чтобы крестьяне поменьше общались».

На пересечении главной деревенской улицы и старой немецкой узкоколейки была площадь, на ней и встречали освободителей.

Первым в село вошел оркестр, игравший марш. Следом группа красноармейцев с карабинами и огромным красным знаменем, в уголке которого виднелся силуэт Ильича. Крестьяне понятия не имели, кто такой Ленин, шептались, расспрашивали. За знаменосцами двигалась пехота с навьюченными на лошадей минометами и станковыми пулеметами. По приказу командира красноармейцы построились в шеренгу, и начался митинг.

– Молодой строгий командир с орденом на груди выступил с непродолжительной речью, – рассказывает ветеран. – Мы, мальчишки, окружили его плотным кольцом. Потом настал черед наших, деревенских. Они рассказывали о жестокости польских властей, о нехватке в домах самого необходимого: керосина, соли, спичек. О невозможности учиться в школе по-белорусски и разговаривать между собой на родном языке.

Тем временем в руках у крестьян появились хлеб, сало, молоко в кувшинах. Солдаты в ответ угощали сельчан махоркой, которая была по тем временам большим дефицитом.

Роман Романович не может сдержать слез, вспоминая, как ликовали его односельчане. Женщины плакали от счастья. Девушки украшали гривы лошадей цветами.

Праздник закончился, и красноармейцы зашагали на запад.

– В тот же день в деревне создали крестьянский комитет, в который вошел и мой отец, – продолжает Роман Романович. – Незадолго до того он был мобилизован на защиту Брестской крепости. После поражения панской Польши вернулся домой и активно участвовал в строительстве колхоза. Отдал туда корову, лошадь, производственный инвентарь.

«Граница, разделившая нашу землю в 1921 году, – всего лишь линия, прочерченная из-за конъюнктурных соображений».

В деревню стали приходиться белорусские газеты, но мало кто из крестьян разбирал кириллицу. Кто мог, читал вслух, остальные жадно ловили каждое слово. Несколько позже в деревню провели радио, свет. Открылась белорусская школа. Молодежь толпами вступала в Осоавиахим.

– Мы, тринадцати-четырнадцатилетние пацаны, буквально осаждали военкомат, чтобы нас отправили на военную учебу, – смеется ветеран, – но нам отвечали: «Повзрослеете, тогда определим». По заданию военкома я собрал человек пятнадцать молодежи, мы из дерева выстругали винтовки и хо-

Слово правды в первые дни после освобождения Западной Беларуси было для людей еще важнее, чем соль, спички и керосин. Гродненская область, сентябрь 1939 года

дили в Иваново на занятия по строевой подготовке. Только одна винтовка у нас была настоящая, мы ее брали на стрельбище.

С энтузиазмом включилась деревня в новую жизнь, с самого начала ощутив себя частью социалистической Родины.

Осознанность и выстраданность этого выбора ивановцы доказали во время Великой Отечественной войны. Девять партизанских бригад сражались в Пинской области, в том числе бригада имени Молотова, Пинская бригада Шубитидзе и соединение Коржа – в Ивановском районе. Семь членов семьи Прибыщук, уроженцы Ляховичей, воевали с врагом в рядах Красной армии.

Современное сельхозпредприятие, которое крестьяне с огромными надеждами создавали в 1939 году, называется «Ляховичское-Агро». Оно входит в пятерку лучших в Ивановском районе. Здесь проведен природный газ и скоростной интернет, созданы условия для жизни, о которых предки даже мечтать не могли.

Вместо заключения

– Граница, разделившая нашу землю в 1921 году, всего лишь линия, прочерченная из конъюнктурных

соображений, – говорит профессор Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого доктор социологических наук Виктор Кириенко.

Жизнь людей, полагает известный ученый, определяется еле слышным камертоном, который указывает, где реальные границы, а где искусственные. И потому раньше или позже этот рубеж, которым народ и земля были разрезаны по-живому, должен был рухнуть. И разорвать нашу страну сейчас никому не под силу.

– Не будь событий 1939 года, возможно, не наступил бы и судьбоносный 1994-й, когда Беларусь обрела подлинную независимость и суверенитет и сильного национального лидера, – подчеркнул Виктор Кириенко.

– Мы вместе и в этом наша сила! – убежден директор Института социологии НАН Беларуси кандидат социологических наук Николай Мысливец. – Нас объединяет земля под белыми крыльями со славным прошлым, где чувствуем себя комфортно и в безопасности. Где можем спокойно работать, учиться, создавать семьи и растить детей. У нас сильная государственная власть, которая обеспечивает возможность самостоятельно созидать будущее. Именно такое, каким его хочет видеть народ Беларуси, а не кто-то другой.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото из архива БЕЛТА, из личного архива Романа ПРИБЫЩУКА, а также предоставлены Государственным литературно-мемориальным музеем Якуба Коласа